

*Посвящается Натали,
которой хотелось разгадать тайну убийства*

Глава 1

Я жду появления луны.

Соседние окна на первом этаже уже закрыты ставнями, когда я высовываюсь из своего. Легкий ветерок пролетает по пустой улице, принося с собой запах дождя и раскаты грома, раздающиеся где-то на западе. Город Коллис стоит на большом холме и возвышается над плоскими равнинами, но приближающуюся грозу мне не видно из-за покатых крыш. Если высунуться по самые бедра и вытянуть шею изо всех сил, между домами можно разглядеть витражи и башни святилища на востоке. Даже в темноте белый фасад светится на фоне черного одеяла неба, перекрывая сияние звезд.

Луна поднялась еще недостаточно высоко.

Я вздыхаю, выпрямляюсь у окна мастерской — и в то же мгновение магистр Томас спускается по лестнице. Увидев меня, он останавливается, а его брови взлетают так высоко, что исчезают под каштановыми волосами, выглядывающими из-под кепки.

— Катрин? — зовет он. — Мне казалось, ты легла еще несколько часов назад.

— Нет, магистр.

Я снимаю упор, закрываю ставни, задвигаю засов — и поворачиваюсь к начальнику, который, нахмурившись, смотрит на меня.

— Знай я тебя лучше, — замечает он, — предположил бы по одежде, что ты собралась где-то лазить.

После ужина я сменила рабочую юбку длиной до икр на ту, что едва прикрывала ноги, а под нее натянула мужские бриджи и стянула волосы в пучок.

— Да, — признаю я. — Хочу проверить поперечную балку на южных лесах. Сегодня утром мне показалось, что она прогнулась.

Главный архитектор хмурится еще сильнее, на лбу у него появляются морщины.

— Почему ты не сделала этого раньше?

— Ну... — Я начинаю загибать пальцы. — Проводила экскурсию по стройплощадке для графа Монкюира, проверяла, на правильном ли уровне установлена дренажная система, оформляла заказы на камень, которые ждут вашей подписи, ходила на рынок за свежим розмарином для госпожи Лафонтен. — Опустив руки, я пожимаю плечами. — К тому же легче все проверить, когда на лесах нет рабочих.

— Хм... — Архитектор смотрит на мой пояс, но там нет молоточка, который я обычно ношу с собой. — И они не отпускают руки, которые можно сломать. Сколько на этой неделе? — строго спрашивает он.

Магистр Томас злится не на меня, поэтому я отвечаю с улыбкой:

— Всего три или четыре.

Если бы подмастерья — и даже некоторые мастера — держали руки при себе, им бы не пришлось волноваться за свои пальцы. В первый раз я бью недостаточно сильно, чтобы сломать кости, и многим этого хватает.

— Покажи, какая из балок вызвала твое беспокойство. — Магистр Томас кивает на уменьшенную модель городского святилища, которая занимает большую часть комнаты.

Она такая же старая, как само святилище, строить которое начали несколько десятилетий назад.

Я прохожу вдоль стен к дальнему концу стола, а архитектор занимает место с противоположной стороны. На самом деле слово «модель» не совсем верное: перед нами точная и пропорционально уменьшенная копия Т-образного

здания, каким его задумывали изначально, начиная с двух квадратных башен у западных ворот и поперечной части, которая тянется с севера на юг, заканчиваясь окошками, черепицей и камнями в кладке. Мы же занимаемся его расширением — строим еще одно крыло, которое увеличит длину здания вдвое на восток от алтаря. Строительная площадка начинается сразу за трансептом¹. И каждый день мы перестраиваем модель, добавляем все изменения за день, включая строительные леса.

— Вот здесь. — Я указываю на алую нить, которую привязала, чтобы не забыть нужное место, а затем отступаю, чтобы магистр мог получше все рассмотреть.

Балка находится в сложной, как паутина, секционной опоре лесов, которая скрывается в тени высокой башни в конце южного трансепта.

Когда магистр Томас наклоняется, чтобы рассмотреть все поближе, я бросаю взгляд на прибитый к стене за его спиной пергамент, который слегка шелестит от сквозняка. Из-за тусклого света не разглядеть имена, написанные на нем, но я знаю их наизусть: четырнадцать отцов, мужей, братьев и сыновей, погибших при обрушении лесов и стены пять лет назад. Чуть выше списка прикреплен позолоченный молоток — подтверждение того, что проект благословлен Верховным альтумом.

Это не просто соседство: главный архитектор не сможет взглянуть на символ своего величайшего достижения, не увидев при этом подтверждения своей величайшей неудачи.

Чтобы подобное больше никогда не повторилось, строительные леса должны быть такими же безопасными и надежными, как известняковые стены. А для этого требуется, чтобы кто-то регулярно обследовал их, проверяя, не появились ли трещины и не покосились ли балки.

¹ Трансепт — часть святилища, пересекающая его центральную часть, которая на плане выглядит как поперечная перекладина креста.

И этот кто-то — я. Поэтому я и отношусь к этой обязанности со всей серьезностью.

Магистр Томас продолжает изучать модель, измеряя пальцами расстояние, когда сквозь щели в ставнях доносится нежный перезвон колоколов. Уже почти полночь, а значит, полная луна поднялась высоко и удастся наконец все увидеть. Хотя я пыталась скрыть свои намерения выбраться вечером на проверку, сейчас мне кажется, что необходимо дождаться разрешения. Но близится буря, и мне совершенно не хочется терять время.

— Вы когда-нибудь задумывались, почему монахи ложатся спать перед вечерней молитвой? — спрашиваю я: надо же напомнить магистру, что уже поздно.

Послушники, входящие в религиозный орден и служившие в святилище, ложились спать примерно часа на два перед полуночной литургией.

— Судя по тому, что монахи поднимаются на рассвете для очередных песнопений, спят они, думаю, каждую свободную минуту, — доносится до меня его рассеянный ответ.

Он склоняет голову, чтобы посмотреть на указанную мной балку с разных углов. Архитектору уже сорок лет, он годится мне в отцы, но в его волосах не заметно никаких признаков возраста, не считая двух седых прядей у висков. Та, что слева, появилась после той самой трагедии, а вторая, по словам экономки, — больше десяти лет назад, и мне никогда не хватало смелости спросить, что случилось тогда.

— Я понимаю, почему на эту проблему никто не обратил внимания, — покачав головой, говорит магистр Томас. — Но туда будет трудно подобраться даже тебе.

Из-за резных статуй, выступающих из стены, опоры для строительных лесов возводили под разными углами.

Горгульи — часть дренажной системы, поэтому их нельзя повредить, но именно необходимость такого бережного обращения, скорее всего, и вызвала неприятности. Балка высоко, и я все еще не придумала, как добраться до нее. Но за

свои семнадцать лет мне множество раз приходилось вскарабкаться на деревья и лазить по стенам.

— За это я не переживаю.

— Ты никогда не переживаешь. — Он выпрямляется и вновь переводит взгляд на меня. — Наверное, мне стоит отправиться с тобой. Я могу подержать фонарь.

Пока я обдумываю его предложение, сомневаясь, что мне понадобится помощь или хотя бы фонарь, из кухни доносится резкий стук в дверь.

Странно. Кто мог прийти в такой час, да еще к задней двери в переулке, а не к парадной с улицы?

Через пару мгновений в мастерской появляется госпожа Лафонтен. После целого дня, проведенного за выпечкой хлеба и нарезкой овощей, ее седые волосы слегка выбились из пучка, а на лице застыло кислое, неодобрительное выражение.

— Кое-кто хочет вас видеть, магистр, — вытерев обветренные руки о фартук, заявляет она.

Архитектор сжимает челюсти и подозрительно прищуривает серые глаза.

— Кто там?

— Перрета Шарпантье.

Дочь одного из четырнадцати погибших строителей. Ее визиты всегда заканчиваются плохо, но архитектор считает себя ответственным за смерть ее отца, поэтому помогает ей деньгами, хоть она и моя ровесница. В последнее время, впрочем, стало заметно, что она много зарабатывает — встала на тот путь, от которого магистр Томас пытался ее удержать, — но продолжает относиться к нему как к источнику дармовых денег.

— Скажи ей, чтобы пришла завтра, — говорит он.

Но экономка качает головой.

— Перрета говорит — если вы не примете ее сейчас, она отправится к Верховному альтому.

Несложно представить, какую позу приняла девица, произнося свою угрозу: рука упирается в бедро, выпячивая его,

а алые губы на накрашенном лице надуты. Не сомневаюсь, она специально дождалась полуночи, чтобы в случае отказа действительно отправиться к дому альтума Жервезе, который как раз к этому времени возвращается после молитв в свой роскошный особняк.

— Я прекрасно справлюсь сама, магистр, — говорю я. — И собиралась отправиться одна.

Он качает головой, хотя по нему видно, что он колеблется.

— Может, перекроем этот участок с самого утра, а затем осмотрим его?

— Вы же знаете, что время и так поджидает, — напоминаю я. — Альтум расстроен из-за задержек, вызванных погодой. И уж точно рассердится, если мы остановим работы.

«Рассердится» — еще мягко сказано. Он уже больше двух лет плетет интриги — пытается сместить магистра с должности. И ему удалось переманить нескольких человек на свою сторону. В итоге пожертвования сократились, строительство замедлилось, и это вновь подтолкнуло людей к мысли, что архитектора пора менять.

Вот почему я потратила все утро на то, чтобы показать градоначальнику Коллиса и его сыновьям строительную площадку. К счастью, граф Монкюир впечатлился увиденным и пообещал внести щедрый вклад. После этого я отвела его к художнику-витражисту, который тут же нарисовал его портрет, чтобы использовать на одном из витражей святилища. Ничто не открывает доступ к кошельку мужчины лучше, чем публичное доказательство его щедрости.

Главный архитектор несколько секунд обдумывает мои слова, а затем, наконец, вздыхает:

— Хорошо. Я поговорю с ней, госпожа Лафонтен. Наедине. Впусти ее.

Я с облегчением открываю дверь на улицу.

— Я вернусь до начала дождя.

— Катрин, — окликает меня архитектор. — Ты кое-что забыла.

Я замираю в дверях, старательно подавляя стон.

— Магистр Томас, я никогда не падала.

— До прошлого лета молния никогда не попадала в колокольню, — сурово напоминает он о том, как несколько метров самой низкой из четырех башен святилища разворотило в грозу. — «Никогда» означает «пока еще не».

Тяжело вздохнув, я снимаю свернутую в кольцо страховочную веревку с вешалки у двери, на которой висит и плащ магистра. А затем — вновь разворачиваюсь к выходу, но краем глаза ловлю взгляд архитектора и останавливаюсь, чтобы обвязать один конец веревки вокруг талии.

— Так лучше?

Борода начальника слегка колышется, когда губы изгибаются в недоверчивой ухмылке.

— Ты воспользуешься ею?

— Да, магистр, — уверяю я, хотя и не сомневаюсь, что она станет мне мешать.

— Будь осторожна, — напутствует он и машет мне рукой, отправляя в путь. — Мать Агнес набросится на меня с голыми руками, если с тобой что-нибудь случится.

Ухмыльнувшись, я перекидываю веревку через плечо. Несмотря на то что настоятельница аббатства Солис недавно отпраздновала семидесятилетие, сомневаюсь, что она сыграет в этой стычке.

Через мгновение в мастерскую врывается Перрета с жеманной ухмылкой на лице, за которой не видно гнилых зубов. Тяжелый запах духов, разлетающийся от ее платья, ударяет в нос, отчего я морщусь и резко закрываю дверь. В прошлый раз, когда эта девица приходила сюда, пришлось целый день проветривать мастерскую.

Оказавшись на улице, я поднимаю голову к небу, чтобы оценить, хватит ли мне времени осмотреть балку до дождя. Пока хватает, но все же стоит поторопиться. Поэтому я поворачиваюсь и бегу вверх по склону к святилищу, чувствуя, как ветер дует мне в спину.

Глава 2

Поразительно, насколько легко увидеть проблему в лунном свете. Думаю, все дело в том, как тени играют на изгибах и углах опор, прижатых к новой каменной конструкции. Словно тьма уговорила дефект проявиться, считая, что никто не станет на него смотреть. Что, конечно же, настоящий бред.

Вот только с земли его все равно не видно. И мне предстоит забраться повыше, чтобы удостовериться в необходимости приостановки работ на этом участке.

Но из расположенных рядом возвышенностей только каменная горгулья, выступающая из стены святилища примерно на метр, способна выдержать мой вес. Она торчит, потому что из пасти этого собакоподобного существа сливается вода с крыши. И, хотя ее задумывали такой же свирепой, как и остальные скульптуры, круглое отверстие во рту делает ее до смешного удивленной. А свист от ветра в трубе напоминает визг домохозяйки, которая увидела мышь, что вызывает еще больший смех.

Из-за выстроенных вокруг лесов мне приходится балансировать на спине скульптуры на носочках, чтобы дотянуться до искореженной балки. Но зато мне сразу же удастся нащупать трещину в дереве, которая не заметна ни сверху, ни снизу.

Рухнувшие небеса, да она *огромна!* Чудо, что балка еще не проломилась. А ведь днем здесь полно рабочих. Если бы эта секция лесов рухнула, вряд ли бы кто-то выжил, упав с высоты шести этажей на лежащие внизу камни, которые вытесывают и режут мастера.

Я подаюсь вперед, чтобы прощупать, насколько глубока трещина. Она примерно с мое предплечье в длину — слишком большая, чтобы хватило просто обмотать веревкой, — а внутри множество мелких щепок, что лишь подтверждает, что балка вот-вот переломится. Но, сколько бы проблем это ни принесло, я рада, что теперь могу принять верное решение: всю секцию придется разобрать и собрать заново.

А это приведет к остановке строительства на два дня. И даст Верховному альтому еще одну причину для жалоб.

Острая щепка впивается в средний палец. Я рефлекторно отдергиваю руку и, заметив кровь из-под ногтя, тяну палец в рот. Резкий медный привкус в мгновение ока обволакивает язык, но кровотечение быстро останавливается. Поэтому через несколько секунд я подставляю руку под лунный свет, чтобы посмотреть, не осталось ли заноз. Но, к счастью, ничего не нахожу.

Вот только вторая рука, которой я продолжаю упираться в балку и удерживать себя на весу, начинает дрожать.

Прежде чем я успеваю перехватиться, налетает сильный порыв ветра. Свист в трубе горгульи становится пронзительней и громче, вызывая дрожь в конечностях и позвоночнике. Все мышцы мгновенно сокращаются, и я теряю последнюю ненадежную опору.

А в следующее мгновение — лечу на камни, кувыркаясь в воздухе, пока небо, леса, святилище и луна проносятся перед глазами. Капли крови дугой окрашивают стену, и в то же мгновение я понимаю — *без всяких сомнений*, — что умру.

Никогда не думала, что все закончится так.

Зрение заволакивает тьма, когда я выгибаюсь и хватаюсь за горло в отчаянной попытке остановить кровотечение. А второй рукой так же тщетно цепляюсь за стену, чувствуя, будто меня разрывает на части.

Боль — единственное, что наполняет мой мир. И мне остается лишь ждать, пока не растворятся остатки моего сознания.

Но этого не происходит.

Зрение медленно восстанавливается, возвращая четкость окружающим предметам, но лишь через несколько секунд я осознаю, что не умерла, а зависла примерно в двенадцати метрах над землей, болтаюсь на страховочной веревке, которая впивается в талию. Я перевожу изумленный взгляд на горгулью, проследивая веревку до лесов, к которым с большой неохотой прикрепила ее несколько минут назад. Визг